

О ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОМ НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

"Безъ Мене не можете творити ничесоже"

(Иоанн. 15, 5).

Прежде всего мы считаем необходимым прямо и определенно заявить, что по нашему глубокому и непоколебимому убеждению только канонически истинная Православная Церковь. Обладающая полнотой Благодати Св. Духа, со своими св. Таинствами, св. Догматами, святоотеческой литературой, с развернутым учением о христианской нравственности в Нравственном Богословии, - может дать незыблемый фундамент для построения целостной и действенной педагогической системы нравственного воспитания детей.

В иерархии ценностей высшее, первоверховное место занимает несомненно религия. Совершеннейшая религия - Христианство. Христианство немислимо без церкви. Единая истинная святая соборная и апостольская Церковь есть Церковь Православная.

Божественный основатель Христианства - Богочеловек Христос - никогда не мог ни ошибаться, ни говорить неправды. Каждое Его слово - Истина, совершенная, абсолютная, Откровенная истина. Блюсти и охранять эту истину от извращения и неправильного толкования поручено Истинной Церкви. Тысячелетний соборный религиозный опыт святых, формулированный в согласном учении Святых Отцов и Учителей Церкви, является высшим и непререкаемым авторитетом. Согласное мнение Православной Церкви, основанное на согласном тысячелетнем соборном разуме святых, - не может быть ошибочным.

Системы этики (т.е. учения о нравственности) могут быть трёх родов: 1) так называемая автономная этика (напр., самозаконная этика Канта), 2) гетерономная этика (т.е. основанная на каких-нибудь других науках, напр., на биологии, социологии и т.п.) и, наконец, 3) теономная этика (т.е. основанная на религии). Только последняя система может быть серьёзно обоснована. Христианская же этика, т.е. этика, построенная на совершеннейшей религии Христа, - может быть обоснована неопровержимо. Вот такое церковно-православное христианское нравственное учение и

положено в основание всех наших дальнейших рассуждений и указаний.

Православно-христианское учение о религиозно-нравственном воспитании детей представляет собой **идеальную** целостную святоотеческую педагогическую систему, которая практически в жизни, до конца, конечно, не осуществима. Но идеал и должен быть недостижимым. Только тогда он и будет неизменным идеалом, постоянно показывающим степень отклонения при практическом стремлении к его осуществлению.

В настоящей статье мы сознательно избегали своеумия и излагали мысли, почерпнутые из святоотеческой литературы и высоких духовных авторитетных наставников XIX и XX века,, каковыми являются: Оптинные старцы, епископы Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов, приснопамятный батюшка о. Иоанн Кронштадтский, а также и знаменитые русские богословы, профессора нравственного богословия, миссионеры и проповедники, как например - проф. Казанской Академии В.И. Несмелов, проф. СПб. Академии протопресвитер о. И.Л. Янышев, проф. Московской Академии М.М. Тареев, проф. СПб. Академии А.А. Бронзов, проф. протоиерей И.И. Базаров и другие. Наша работа, таким образом, может быть уподоблена добросовестной пчеле, собиравшей мед в прекрасных садах Русского Нравственного Богословия. Мы позволили себе лишь систематизировать полученный материал и придать ему целостный и целенаправленный характер, опираясь при этом на строго-научно установленные данные детской психологии, педагогической психологии, экспериментальной педагогики и детской психиатрии.

Почему мы ограничились вопросом о нравственном воспитании детей только дошкольного возраста? Потому что считаем именно этот период жизни человека самым важным основополагающим в деле воспитания. Педагогическая психология нас учит, что в первые 3 года своей жизни ребёнок получает треть всех понятий жизни взрослого человека. А известная австрийская ученая, большая специалистка по педагогической психологии, Шарлотта Бюлер в своем исследовании "Человеческая жизнь как психологическая проблема" (1933 г.) утверждает, что в первые семь лет своей жизни человек устанавливает канву всей своей жизни. Иными словами, взрослый человек в течении всей своей жизни лишь расширяет и углубляет то, что сложилось у него в душе за период первых семи лет. В этом утверждении много правды. Основные черты личности и характера человека, как и основы его мироощущения, складываются, в действительности, в период его доотроческой жизни (приблизительно к семилетнему возрасту).

Самое первое, самое главное, что необходимо понять и принять каждому воспитателю, это - основное положение

христианской педагогики: истинная нравственность невозможна без религиозной основы. Больше того, истинная нравственность невозможна без помощи Церкви. Без помощи св. Таинств церковных невозможно дать прочное истинное нравственное воспитание ребенку; без помощи Церкви невозможна и истинно нравственная жизнь взрослого человека.

Собственно говоря, фундамент религиозно-нравственного воспитания ребенка закладывается еще до его рождения. Но как редко думают вступающие в брак молодые люди об огромной личной ответственности за жизнь будущего новорожденного дитя. Брак есть великое Таинство Церкви. Непосредственно перед этим таинством Церковь требует, чтобы были осуществлены обоими брачующимися еще два Таинства: Покаяния и Причащения.

При этом требуется, чтобы в прошлом оба брачующихся имели и Таинства Крещения и Миропомазания. Благодать всех этих Таинств (Крещения, Миропомазания, Покаяния, Причащения и Брака), питавшая души и тела родителей, не может не коснуться души и тела зачинаемого и долженствующего родиться будущего младенца. Но, ведь, благодатные Таинства существуют только в лоне благодатной, т.е. истинной, канонически правильной Церкви. А если хотя один из родителей не принадлежит к таковой, то это не может не отразиться ущербно и на детях. Думают ли об этом брачующиеся? Благословение родителей брачующихся на их брак также необходимо и для будущего ребенка. Степень чистоты души и тела вступивших в брак имеет огромное значение (наследственность) и непременно отразится на будущем потомстве. Особенное значение имеет для основы религиозного нравственного воспитания будущего дитя имеет душевное и телесное состояние женщины во время вынашивания плода до рождения и во время кормления грудью новорожденного. Ведь до рождения вынашиваемый составляет одно целое, один организм с матерью. А при кормлении грудью ребенок получает материнское молоко, продукт ее живого душевно-телесного организма. Душа таинственно связана со всем телом. И в молоке матери - часть ее не только тела, но и души. В последнее время подавляющее большинство новорожденных детей вскармливаются на искусственном питании, а не на молоке матери. Это также не может не сказаться ущербно на младенце.

Вспомним, что само слово **воспитание** включает в себе смысл **питания**. Питание необходимо и для тела и для души. Нет ничего более губительного для начала религиозно-нравственного воспитания, как очень распространенное мнение - предрассудок, будто новорожденный младенец нуждается только в уходе за его телом.

Христианство утверждает, что назначение человека не ограничивается одной земной жизнью, но простирается в вечность.

Поэтому и воспитание ребенка должно идти сообразно с этим двойным назначением человека. Учение Христа есть единственный путь, который ведёт человека **по земле на небо**. ("Я есмь путь и истина и жизнь" - Ев. Иоанна, 14, 6).

Духовная жизнь новорожденного младенца развивается сначала без собственного его содействия, из чего можно заключить, что человек подчинен закону развития. Но эта необходимость не препятствует ему быть существом свободным; напротив, это доказывает нам только, что человек по намерению своего Творца, есть существо необходимо свободное, ибо первоначальное духовное развитие ребенка есть не что иное, как развитие способности быть свободным. Нельзя же предположить, что Творец, поставив известную цель для своего творения (свободное стремление к вечному Благу), не даровал бы ему и средств к достижению этой цели. И действительно, наблюдая естественное развитие человека с момента его рождения, мы не можем не заметить, что все в нем приспособлено к достижению выше указанной последней цели его бытия. Самая способность к развитию сознания есть уже приуготовление к этой цели. Явно нравственный характер самих пробуждающихся его инстинктов представляет собой несомненный знак его превосходства над всеми и над всем на земле. Самый телесный его организм так создан, что в нем нельзя не видеть священного земного храма, в котором предназначено обитать Св. Духу.

"Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живёт в вас. Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм божий свят есть, иже есте вы" (1 Коринф. 3, 16-17). Как страшно звучат эти слова Апостола Павла. Отсюда понятно и наказание "соблазвившим единого от малых сих" - потопление в море с жерновом на шее.

Начинаясь от неясных чувственных ощущений, сознание ребенка неприметно превращается в разум, позволяющий ему в дальнейшей жизни медленно и постепенно возвышаться до чувства высокого, прекрасного, до созерцания бесконечного и святого. Пробуждающийся разум ребенка первоначально чист, непосредственен, синкретичен, целен, несмущенно радостен и подобен распускающемуся бутону прекрасного цветка. Совесть его ангельски чиста и младенчески неопытна; самоосознание ещё не ясно. Родившийся человек входит в мир. В грешный мир. И вот начинается убийственное воздействие этого мира на юную душу еще невинного, но во грехе зачатого младенца. Все лучшее, все святое и чистое, с чем рождается ребёнок, начинает разрушаться при столкновении его с миром. Причина того - первородный грех. Вот отчего только так называемое **естественное** развитие человека, при всех вложенных в него от Бога средствах, не достигает своего назначения. Сам человек не в состоянии не только достигнуть

назначенной ему от Бога цели, но даже найти начало пути, ведущего к этой цели. Без помощи Самого Спасителя и Искупителя Христа невозможно спасение души. Руководство к этому спасению поручено Церкви Христовой. Истинное нравственное воспитание ребенка (т.е. питание его души и тела) возможно только в лоне этой Церкви.

Воспитание предшествует образованию. Если образование может начаться только с развитием естественных способностей человека, то воспитание начинается с самого появления его на свет. Воспитание создает фундамент, на котором создаются все последующие способности человека. Образование ребенка без предварительного воспитания его, - есть попытка построения дома на песке. Воспитание ребенка есть тот краеугольный камень, на котором мы можем начать созидать храм его жизни. Воспитывать надо то, что может послужить человеку руководством в пути через земную жизнь к жизни вечной, небесной.

Сердце человека является источником его чувств и деятельности. Если Сам Спаситель сказал, что "от сердца исходят помышления злая" (Матф. 15, 9), то очевидно, что без воспитания сердца человек обойтись не может. Сердце есть корень всей нравственной жизни человека. Поэтому дать доброе направление сердцу есть первая и главнейшая задача воспитания. Совершенно неприметно в душе младенца, сначала целостной и синкретичной, начинается процесс дифференциации психических способностей: начинается деятельность ума, чувства и воли. Пробуждающийся ум, вследствие греховной природы человека, начинает стремиться, с одной стороны эмансипироваться, а с другой тиранически влиять на волю. Синкретическая гармония ума, сердца и воли начинает разрушаться. Грешный мир начинает внедряться в душу младенца. Тогда продолжая воспитывать сердце, необходимо начать воздействовать и на ум, т.е. на познавательные способности ребенка.

Божественное учение Христа имеет то чудесное свойство, что оно чрезвычайно рано начинает быть доступным для умов младенческих, будучи в то же время и неисчерпаемым для умов глубочайших мыслителей. Если неодушевленная природа: солнечный свет, воздух, влага и земля животворят жизнь растения, то почему Дух Слова Божия не может животворить душу младенца? Христианство, по мнению святых Отцов Церкви, даже более приложимо к детскому возрасту, чем к возрасту взрослых. Это объясняется тем, что все в Христианстве чрезвычайно близко природе человека, а в детях эта природа чище и неповрежденнее, чем в людях взрослых. Поэтому-то и говорил Христос: "аще не обратитесь и не будете яко дети, не увидите в Царство Небесное" (Матф. 18, 3).

Христианское воспитание начинает особенно проникать в душу новорожденного младенца еще при св. Таинстве Крещения и

Миропомазания, когда восприемники дают Богу за крестника клятвенный обет верности началам христианской жизни: вере надежде и любви. Первые моменты жизни окрещенного младенца напоены благодатными действиями Св. Духа, запечатленными таинственными печатями св. мира. И уже через короткое время невидимая полученная благодать начинает сказываться в новом одушевленном храме. Пробуждающееся сознание ребенка, просвещенное благодатью "даров Духа Святаго", становится способным возрасти и совершенствоваться в вышеуказанных основных христианских началах жизни: вере, надежде и любви. Невинный новорожденный окрещенный ребенок беззаботно наслаждается полученным от Бога бытием. Он безмятежно живет настоящим, не ведая еще природы времени с его прошедшим и будущим. Некоторые святые Отцы церкви сравнивали такое состояние с состоянием **вечного** покоя, без печали о прошедшем, без вздыхания о будущем. Другие духовные писатели уподобляли такое состояние чистейшей **вере** и полному **доверию**, каковые возможны только для чистого невинного младенчества с его неспособностью ни к какому сомнению.

Но вот опыт общения с окружающим миром научает младенца отличать предметы неодушевленные от одушевленных лиц, его с любовью окружающих. И тогда в младенческой душе возникает новый росток Божественного семени: младенец сам начинает научиться любить. Первым предметом его любви, конечно, являются с особой любовью его окружающие родные близкие люди. Проходит первый год его жизни - и начинается новый период его развития. Он уже на ногах, он уже умеет выразить свои первые чувства доверия и любви. Он еще продолжает быть счастливым своим настоящим, но это уже не колыбельное счастье. Тогда для него не существовало еще ни прошедшего ни будущего. Теперь он их уже начинает различать. Особенно важно, что он начинает понимать и научается ожидать будущее. В связи с этим в его сознании, кроме способности к вере и любви, возникает новая способность - **надежды**.

Второй год жизни ребенка должен проходить под знаком медленного углубления и укрепления способностей восприятия основных начал христианской жизни, указанных выше. На третьем году жизни часто особенно резко выявляется недоверие, соединенное со страхом, по отношению к чужим, незнакомым и новым людям. Спокойным чувствует себя ребенок, лишь тесно прижавшись к родителям или к родным близким людям, которых он любит и которым всецело доверяет всю свою душу. К 3 годам появляется у ребенка и сознание своей личности, и он впервые, сознательно, говорит о себе "я", (а не "он" с указанием на себя). Впрочем, называя себя "я", он еще некоторое время сопровождает это и жестом указания на себя.

В это время особенно важно обратить внимание на воспитание **послушания**. Святые отцы подчеркивают, что послушание надо "приобрести", "завоевать" истинной разумной любовью. Истинная любовь не может не быть взаимной. Когда ребенок в ответ на нежную ласку матери впервые благодарно-радостно-ответно прижмется щекой к щеке или к груди матери, - это означает, что положено основание к воспитанию послушания, что последнее начинает "завоевываться" и "приобретаться". Без послушания невозможно воспитание. Послушание справедливо называется "началом воспитания".

Самое трудное заключается в том, что послушание должно быть свободным, а не принудительным, должно основываться на любви, а не на страхе перед насилием. И в этом нежном возрасте необходим страх, но особого рода: страх Божий, страх потерять любовь любимого, страх огорчить любящего. Любящая мать, сумевшая стать любимой, должна уметь в нужный момент оставлять свое дитя, чтобы оно, лишенное на некоторое время материнской ласки, сильнее к ней потянулось. Без помощи святых Таинств Церкви "приобрести" послушание невозможно. Ребенка должно чаще причащать, а матери надо чаще самой исповедываться и приобщаться. Если у ребенка нормально будут развиваться вышеуказанные основные начала веры, любви и надежды, тогда и только тогда, на их основе может зародиться и начало истинного послушания. Иметь в своих руках, без насилия, волю младенца - это главное дело в воспитании. Но воспользоваться этим для нравственного воспитания надо умело. Нельзя навязывать ребёнку нравственные правила, пока он еще не в состоянии их понять.

Как вообще развивается воля в человеке? Для движения воли нужны побуждения. Следовательно, для управления волей ребенка необходимо овладеть его побуждениями или породить их в нем. Самые естественные и самые сильные побуждения деятельности человека вытекают из тех же, вышеуказанных трех начал христианской жизни: веры, любви и надежды. Для того, чтобы начать воспитывать волю ребенка, родители или воспитатели прежде всего должны понять, что это невозможно осуществить без полноты искреннего любящего сердца, с полным и ясным собственным убеждением в истинности своего намерения. Без полной сердечной доверенности к нашим наставлениям со стороны детей невозможно рассчитывать на успех. Одновременно с наставлениями мы непременно должны показывать личный живой пример, который может действовать не только на волю (по закону подражания), но и на развитие нравственного сознания. Если же вы начнете набивать голову ребенка одними правилами, не оживляя их примером, то вы будете бесплодно насиловать и его ум и его сердце, из которых первый еще не в состоянии понять формы без

содержания, а последнее - не может участвовать в том, что его не трогает.

Личный пример имеет решающее значение в деле воспитания. Как возможно, чтобы ребенок принял от вас какое-нибудь наставление за руководство его деятельностью, если он видит в вашей собственной жизни явное тому противоречие? Вполне и совершенно управлять волею ребенка может лишь тот, кто подает ему собою постоянный живой пример деятельного добра. Несомненно, что при воспитании воли ребенка придется прибегать как к поощрительным наградам, так и к стимулирующим наказаниям. Но здесь особенно важно помнить, что эти средства должны применяться с сугубой осторожностью и осмотрительностью, ибо, как чрезмерные наказания, так и чрезмерные награды могут принести большой и непоправимый вред юной душе. Общего рецепта здесь не может быть дано, ибо нигде индивидуальность воспитываемого не играет такой большой роли, как при назначении того или иного рода и степени поощрения или угрозы. Как часто ошибки в этом направлении являются источником больших страданий на протяжении всей жизни воспитываемого. Злоупотребление наградами, как и беспорядочность и жестокость наказания, в одинаковой степени легко могут навсегда подавить в душе ребенка начала доверия и любви к неразумным родителям или воспитателям. Баловство и потакание всем прихотям и капризам ребенка укореняет непослушание, своеволие, эгоизм, лень, лицемерие, неблагодарность, неуважение, а затем и презрение к воспитывающим и раздражительность, гнев, злобу и ненависть ко всем посторонним, которые посмеют попытаться противодействовать ничем необузданному своеволию и самодурству ребенка. Такие дети впоследствии часто теряют веру, приходят в уныние и отчаяние при постигающих их несчастиях, а иногда начинают даже и кощунственно роптать на Бога. Приснопамятный батюшка Иоанн Кронштадтский о детских капризах говорил так: "Каприз - зародыш сердечной порчи, моль любви, семя злобы, мерзость Господу".

Истинный христианин должен со смирением лобзать карающую его руку Господню. А потому и христианское воспитание ребенка должно добиваться того, чтобы дети принимали наказания из рук родителей или воспитателей с чувством своей вины, с сознанием справедливости обрушивающегося на них гнева и налагаемых наказаний и, (и это самое главное) со страхом потерять любовь любимых и любящих близких. Этот благодетельный страх имеет огромное религиозно-нравственное значение: на его основе позже развивается истинный "страх Божий", с боязнью греха и боязнью потери благодати Св. Духа, стяжание которого, по словам преподобного Серафима, является целью жизни христианина.

Самым главным и самым верным мерилom того, какие средства поощрения и наказания надо по преимуществу применять в отношении того или иного ребенка, является понимание индивидуальной структуры складывающегося нравственного сознания воспитуемого. Для ребенка, у которого особенно сильно развивается чувство **веры**, достаточно бывает одних угроз, тогда как непосредственное наказание может быть бесполезным, ибо при достаточно глубоко и сильно развитой вере угрозы есть уже наказание. При особом развитии у ребенка основ такой христианской добродетели как надежда (истекающей из достаточно развитой веры), умеренные награды и наказания могут быть чрезвычайно эффективны. Там же, где у ребенка ясно, глубоко и сильно развито чувство **любви**, выражающейся в непосредственном сострадании, внимательной чуткости к настроению близких и в нежных благодарных ласках к ним, - там не нужно прибегать ни к наказанию, ни к частым поощрениям и наградам, ибо **любовь** является сама себе наградой. В таких случаях воспитывающим следует только чаще выказывать свою искреннюю деятельную любовь ко всем окружающим ребенка близким и посторонним людям.

Там, где наказание сопровождается хотя бы намеком на месть раздраженного сердца, или носит оттенок злобы со стороны даже вполне справедливого в своих требованиях воспитателя, - там не могут не подрываться начала детской веры в искренность и любовь наказующих. Даже в самых юных младенческих сердцах имеется особое чутье, позволяющее отличать насилие по праву сильного от принуждения по долгу любви. Первое - ожесточает, а второе - смиряет бунтующие элементы развивающейся души. Из такого смирения впоследствии вырастет искреннее сердечное послушание.

Когда ребенок начинает становиться на ноги, тогда начинается первое проявление его самостоятельности. Почувствовав свои новые силы и способности, он стремится сделать свой первый шаг **от нас**. Как важно, чтобы первый шаг не привел к падению. Тогда ребенок долго не решится начать ходить сам. Кто лучше родной матери сможет помочь ему в это время? Кто иной сможет лучше научить его сочетать первые самостоятельные шаги с верой и надеждой на помощь любви извне? Поставив свое дитя на небольшом расстоянии, мать манит его к себе в распростертые объятия, и дитя, влекомое силой любви и доверия - делает свой первый шаг. Какая умилительная картина веры поспешествуемой любовью! "Кто с детства привыкнет так безотчетно-любовно спешить на голос матери, тот и в зрелых годах скорее отзовется на зов отца Небесного", - справедливо замечает один из духовных наставников прошлого века (протоиерей о. И. Базаров).

На втором году ребенок начинает ходить и говорить. Если первые его шаги означали попытки к самостоятельной телесной, то первые сознательные слова являются стремлением к самостоятельной нравственной. С этого момента начинается для ребенка новый, чрезвычайно важный период его жизни: он должен учиться говорить у окружающих. Дар слова - чудесный и таинственный дар от Бога. Метод развития этого дара - заложенный Богом в душе ребенка закон подражания

Спешите же, родители и воспитатели, окружающие начавшего говорить ребенка, наполнять его душу чистыми, осмысленными словами. Если во второй половине первого года своей жизни ребенок по преимуществу знакомился с пространством, временем, красками, формами, звуками, движениями, поражающими его внешние чувства, то теперь все это начинает проникать во внутрь его души. "Нет мысли без слова и нет слова без мысли" (Макс Мюллер). Начиная говорить, ребенок начинает и мыслить. У него появляется новая, уже чисто духовная потребность: облекать в словесную форму все свои душевные переживания и понимать душой услышанные слова. Потрясающая новизна этого нового опыта возбуждает в ребенке потребность дать отчет развивающемуся сознанию во всем окружающем. С овладением небольшим запасом словопонятий у ребенка начинается период пытливых вопросов: "Что это? Зачем это?". Следует ли отвечать ему на все вопросы? Но у него нет еще возможности вместить в свою душу все даже простые ответы. У него не хватает еще внимания на то, чтобы сосредоточиться на ответах. А вопросов становится все более и более. Не отвечать на вопросы нельзя. Подавлять вопросы вредно. Как же поступать воспитателю? Прежде всего ему надо понять, что в этот период у ребенка развиваются только формы познания, которые, пока они еще не образовались, не могут вместить в себя соответственного содержания. Забрасывая нас своими вопросами, он ждет удовлетворения своей любознательности не столько по содержанию, сколько по форме. Объяснений, разъяснений, толкований, доказательств, - он не понимает и не нуждается в них. Любя он доверяет каждому слову воспитателя. Каждый ответ он заранее готов принять как **догмат**. Поэтому, на каждый вопрос воспитатель должен давать ответ догматическим тоном, т.е. тоном непременно уверительным, хотя бы сущность ответа была неопределенна, уклончива, или даже представляла собой прямой отказ на вопрос. Только не обманывайте ребенка и не рассуждайте с ним. Потребность в рассуждениях придет значительно позже, когда ребенок станет способным рассуждать и через рассуждение - понимать, т.е. когда он начнет, хотя и элементарно, но определенно **дискурсивно** (т.е. рассудочно) мыслить. Интуиция у ребенка предваряет дискурсию. Преждевременные рассуждения, в период его интуитивно-

догматического мышления, разовьют в нем склонность к резонерству и подорвут веру в правдивое слово любимого им лица. Ложь же и обман отравят юную душу ядом сомнения и потушат в ней искру чувства вечной правды.

Главная забота воспитателя в этом периоде должна заключаться в том, чтобы дети верили его слову, которое никогда не должно быть гнилым в устах воспитателя-христианина. Если, вообще, "за каждое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда" (Матф. 12, 36), то особенно тяжкая ответственность за такие слова падет на воспитателя. В идеале - каждое слово наше, как относящееся непосредственно к ребенку, так и сказанное в его присутствии, должно становиться для него священным законом. Но это возможно только при том условии, если это слово будет священо и для нас самих.

Чрезвычайно важное проявление развития ребенка представляет собой игра. До трех лет дети редко научаются играть **вместе** с другими детьми; обычно в этом периоде они играют **рядом**, т.е. каждый сам по себе. После трех лет в игре сосредотачивается почти все жизнь ребенка, как внутренняя, так и внешняя. Играя наедине с самим собою, ребенок упражняет свою мысль и воображение; играя с другими детьми, он выявляет свои чувства и волю и, опять же воображение. Но излишнее развитие воображения - чревато очень тяжелыми последствиями. Не забудем, что первый грех человека зародился в воображении. Поэтому опытные духовные наставники рекомендуют приковывать детей в их играх почаще к действительности. Очень важно, чтобы голос любви родителей или воспитателей был не сентиментален, а глубоко искренне лиричен и в то же время серьезен и тверд, но чтобы слово угрозы было растворено кротостью и спокойствием. Только таким образом можно достигнуть того, что дитя будет бояться оскорбить вас своим непослушанием и любить вас с благоговейным сыновним страхом.

Своеволие прирождено детям, но подлежит непременно обузданию в самом своем корне. Переломить его можно и должно только тем же способом: сочетанием любви и твердости. Истинная разумная любовь родителей или воспитателей ни в коем случае не должна позволить себе уступки перед своеволием неразумия. Здесь показаны самые энергичные меры, так как вопрос идет о переломе заблуждающейся воли и сохранении святого начала веры в любовь отца, матери или воспитателя. Часто бывает достаточно одного подобного опыта твердости и непреклонного требования повиновения любящему родителю или воспитателю, чтобы с корнем вырвать из неопытной души ребенка зародыш страшного греха. Счастливы те родители или воспитатели, по зову которых ребенок отрывается от самой интересной игры, чтобы исполнить

их приказание. Достигнуть этого в высшей степени трудно, но и в высшей степени необходимо.

В играх ребенка со сверстниками зарождаются начала общественной жизни. Здесь неизбежны столкновения страстей и характеров; здесь вырабатывается характер и у самого ребенка. Во время игры меньше всего принесут пользы многочисленные замечания указания по поводу отдельных поступков; нельзя слишком стеснять свободы и непринужденности поведения играющих детей; нельзя забывать о различной реакции детей на замечания при других; нельзя удерживать каждый ошибочный шаг общения ребенка с другими детьми. Но внимательно следя за происходящим, следует в определенные моменты апеллировать к общим началам поведения, одобряя или порицая не тот или иной поступок кого-нибудь из играющих, а те нравственные мотивы, которыми обусловлены поступки. Не обижая и не оскорбляя отдельные личности, следует порицать или одобрять **типы** поведения. Пусть каждый отдельный ребенок сам себя, внутренне отнесет к тому или иному из указанных типов. Это ему будет полезнее в нравственном отношении. Чтобы найти правильный тон руководства детьми в совместных играх, надо уметь любить не только своих детей но и всех детей вообще, памятуя об особой любви к детям Самого Спасителя.

Полезно всем воспитывающим детей ясно понимать основные различия воспитания и образования. Воспитание относится к образованию, как сердце относится ко всем остальным способностям души. Хотя задачи воспитания и образования тесно переплетены, но тем не менее воспитание всегда будет важнее в деле приготовления к жизни вечной, на небе, тогда как образование нужно по преимуществу в деле приспособления к жизни временной, на земле. Если вы научите ребенка искренне уважать старших и быть искренне любезным и сдержанным с каждым из них, тогда и внешним выражением этих чувств будут в нем истинно прекрасные манеры. Но нет ничего пагубнее для развивающегося сердца ребенка, чем встреча воочию с двуличием человека. Замечательный пример такого опыта, пережитого обманутым ребенком, можно найти в прекрасном рассказе Чехова " Житейская мелочь".

Если родители или воспитатели в этом периоде развития ребенка чувствуют себя бессильными в борьбе против указанных трудностей нравственного воспитания, то они должны немедленно обращаться за помощью к Церкви. Одна-две беседы священника наедине с ребенком (что является как бы преддверием первой исповеди) - могут принести очень много пользы. Но, увы, часто и сами родители нуждаются в помощи и советах священника, который должен их призвать и научить исполнению разумного родительского долга, основанного на "страхе Божиим", который и

есть "начала всякой премудрости" (Притчи Соломона, 1, 7). В такие кризисные моменты нравственного воспитания родители или воспитатели обязаны начать раскрывать ребенку и будущую судьбу, ожидающую его, как в ближайшее время на земле, так и окончательно - за пределами земной жизни. Начало **надежды**, положенное Самим Богом, как семя, в душу ребенка, в это время может и должно уже начать приносить свой плод. Вспомним какое глубокое впечатление произвело на великого Гоголя раскрытие его судьбы, как христианина, произведенное его матерью, когда он был еще малым ребенком. "Однажды Вы мне, ребенку, так хорошо, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне чувствительность, это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли".

С развитием у ребенка понятий и речи начинается период его учения. Если его телесное развитие зависело от правильного, своевременного и достаточного питания, то и умственное развитие требует такого же правильного, своевременного и достаточного обучения. Памятую о двойном назначении человека - через временную жизнь на земле к вечной жизни на небе, необходимо и обучение ребенка с самого начала подчинить принципу этого двойного назначения. Следовательно, учение должно начинаться с того "единого на потребу", которое, по словам Самого Спасителя, есть "избрание благой части" и которое, если будет прочно укоренено в душе, уже никогда не отыметя от нее. Но когда и как следует начинать христианское обучение младенца? "Всякая душа по природе своей христианка" (Тертуллиан). Таинства же Крещения, Миропомазания и Причащения уже забросили в младенческую душу семена веры, надежды и любви. Христианство все, от начала до конца, преисполнено благодатных непостижимых и действенных Таин. Все в душе христианского младенца уже готово к развитию. Пока сам ребенок еще беспомощен к саморазвитию, до тех пор долг содействия этому развитию падает на родителей и воспитателей. Горе тому, кто не выполнит возложенного на него Богом долга. По вере восприемников и родителей нисходит на крещаемого благодать возрождения; по благочестию и вере их получает еще несмышленный младенец и особые дары благоволения Божьего: духовную влагу, духовное тепло и духовный свет для содействия произрастанию семян трех величайших основных добродетелей веры, надежды и любви. Иными словами, зачаток учения младенца есть осенение Благодатию, низводимой на него по **вере** нашей. Отсюда ясно, что первым уроком веры для младенца является благоговейное крестное знамение, которым благочестивая мать или воспитательница осеняет его в постели на ночь и по пробуждении.

Если сила крестного знамения, как мы знаем, имеет свое действие над неодушевленной природой, то тем более оно действенно над живою душою младенца. Крестное знамение и молитва матери над колыбелью являются для него своего рода Богослужением, а вместе с тем в первом наставлении в вере. Если нельзя поймать то мгновение, с которого начинается религиозное развитие и обучение дитяти, то не полезнее ли его начинать как можно раньше? Не переводит ли Ангел Хранитель благоговейных молитв матери на язык младенческих понятий? Замечательный опыт в этом отношении был проделан с детьми-идиотами. Известная всей России "тетя Катя" (Грачева), посвятившая воспитанию глубокослабоумных детей всю свою жизнь, свидетельствовала о том, что идиоты, неспособные к элементарным актам самообслуживания и членораздельной речи, - обнаруживали "искру Божью", явные проблески человеческого сознания, когда им, с сострадательным человеколюбием и искренней верой, говорили о Боге. Чтобы язык веры, надежды и любви христианской, язык боговедения, богопочитания, благоговения и благочестия сделался **родным** языком для души младенца, следует говорить с ним этим языком с самой колыбели. Если первый лепет младенца, его первый "разговор" с матерью будет освящен именем Христа на устах матери, если первые движения его рученок будут употреблены на крестное знамение, и, если первая сознательная заученная речь будет хотя бы самой краткой молитвой, — тогда прочный каменный фундамент христианского религиозного обучения будет, несомненно, заложен.

С развитием понятий у младенца (что происходит одновременно с развитием речи) перед нами раскрываются широкие перспективы для разнообразнейших наставлений ему о вере.

Многие родители чрезвычайно боятся, чтобы у ребенка не появились мысли о смерти. Но это глубокая ошибка. Ребенок, начавший говорить, очень рано способен получить понятие о смерти и это понятие необходимо дать ему возможно раньше. Но конечно это важное понятие должно быть строго христианским. А таковым оно может быть только в связи с понятиями бессмертия души и воскресения тел. А когда мы заговорим с малым ребенком о смерти и только упомянем о бессмертии души и воскресении тел, — как радостно он хватается за эту мысль; с каким волнением, часто даже и взрослым непонятным, он смотрит на будущую жизнь на небе и начинает рассуждать о будущей участи своей и других. Надежда на блаженное состояние после смерти и воскресения ему более доступна чем взрослым, благодаря чистоте и непосредственности его детской веры и любви. Именно после этих возвышенных переживаний и начинается усиленный рост детской пытливости по отношению к религиозным вопросам, столь

характерной у нормальных детей в преддверии отрочества. В это время настоятельно необходимыми для ребенка становятся наставления из уст пастыря-священника. Родители заменить такового не могут. Тут требуется сугубо возвышенный авторитет. Никто, кроме служителя Церкви, имеющего духовный сан, не может стать таким авторитетом. Священника привыкло дитя видеть с младенчества в храме Божиим, овеянным святостью Богослужения. Сам внешний облик священника, с его особым одеянием, воспринимается часто ребенком как одушевленная икона. С каким невольным благоговейным страхом и трепетным уважением начинает слушать дитя своего нового, духовного, власть имеющего от Бога учителя, наставника. Глубоко значительно звучит в детском сознании новое понятие и новое слово - **духовный отец**. Как важно, чтобы ребенок с первых слов священника понял, что теперь с ним заговорили о самом главном в жизни, о тех предметах, которые будут влиять не только на всю его жизнь на земле, но и на вечную жизнь на небе.

Когда же именно следует ребенку начинать учиться Закону Божьему у священника? Точного срока определить нельзя. Много зависит от степени индивидуального развития. Но как общее правило, такое учение должно начинаться на пороге младенчества и отрочества, непосредственно предшествуя первой исповеди.

Первая исповедь является главнейшим событием жизни младенца-отрока, после Крещения, Миропомзания и первого Причастия. Первая исповедь, с одной стороны, есть экзамен всему его духовному религиозно-нравственному развитию за период младенчества, а с другой, — вратами для нового отроческого периода, когда, обычно, семейное воспитание получает соперника в лице воспитания школьного.

Первая исповедь ребенка является экзаменом и для родителей (или воспитателей), подготовлявших юную душу для восприятия нового св. Таинства, именуемого "вторым Крещением".

Все семейное, дошкольное, религиозно-нравственное воспитание и образование представляют собою борьбу за чистоту души дитяти, родившегося и долженствующего жить в грешном, растлевающем все чистое и непорочное, мире. Победный исход этой борьбы возможен лишь для благочестивой православной христианской семьи с помощью св. Таинств канонически правильной, а потому и несомненно благодатной Православной Церкви. Для того, чтобы эта семья не отчаивалась при виде силы греха и зла в окружающем ее мире и при сознании немощи в деле охраны души младенца в течение семи лет, — и поставлен перед ней благодетельный спасительный **маяк**: Таинство Покаяния первой исповеди, долженствующее исправить все ошибки и восполнить все пробелы немощного человеческого воспитания. Первая исповедь, - "второе Крещение", - Крещение первыми

покаянными отроческими слезами, должна растворяться такими же покаянными слезами родителей. Счастливы те родители, которые, несмотря на массу жизненных препятствий, смогут сами исповедываться и причаститься св. Таинств одновременно с первой исповедью и первым сознательным Причащением своего дитяти. (Восприемники при крещении младенца также должны предварительно поговорить. А исполняет ли кто-нибудь это в настоящее время? Мне пришлось видеть такую "крестную мать", которая не могла прочесть наизусть Символа Веры).

Для юного сердца отрока первая исповедь должна служить указанием, что теперь для него настает время **самостоятельного** верования **с личной** ответственностью перед Богом. Являясь теперь на Суд Церкви со своими еще отроческими грехами, отрок-христианин в первый раз дает сам за себя отчет Богу.

Первая исповедь часто навсегда решает судьбу всех последующих падений, покаяний, восстановления и обновлений душевных на жизненном пути, на котором "несть человек иже не согрешит".

Православно-христианское религиозно-нравственное воспитание не имеет права упустить из виду первой исповеди, иначе оно лишит себя самого действенного средства к достижению своей цели. Ибо христианское воспитание есть начало "Пути ко спасению", который невозможен без помощи св. Таинств Церкви.

Таинство св. Причащения, важнейшее и таинственнейшее из всех святых Таинств, питало младенца и раньше, от Крещальной купели до первой исповеди **по вере** его родителей и воспитателей. Нынче же отрок впервые подходит к св. Чаще сознательно, после Таинства Покаяния. Подготовка отрока к достойному принятию первого сознательного Причастия Тела и Крови Христовой — это заключительный, кульминационный пункт православного христианского воспитания.

Чтобы быть достойным Причащения Тела и Крови Христовой, надо знать и понимать многозначительные слова Апостола: «ядый и пияй недостоине суд себе яст и пїет». Это непременно должен знать и понимать отрок, впервые приступающий **к сознательному** Причастию. Для полной подготовки к первому Причастию необходимо раскрыть перед сознанием причащающегося картину жизни человека от начала его сотворения и грехопадения до искупительных Страстей Христовых. Необходимо, чтобы причащающийся отрок глубоко прочувствовал силу любви Господней ко всем людям. Пусть он выучит и сознательно прочитает (по мере его умственных сил) Символ Веры и молитву перед Причащением. Пусть он со всей живостью детского воображения и соображения представит себе все страдания Христовы, как дело, совершенное не для всех только вообще, но и

за него и для него, еще юного грешника. Потрясши душу отрока, следует затем и успокоить и обрадовать его светлой радостью Воскресения Христова, радостью прощения всех искренне кающихся и радостью обетования: «ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем» (Ев. Иоанна, 6, 56).

Проф. И. М. Андреев